

Федин К.А. Первые радости. М., Советский писатель, 1954 . 360 с.

С. 26. — Мне передавали, будто Лев Толстой кому-то там, может быть за чайным столом, недавно сказал: чтобы быть художником слова, надо, чтобы было свойственно высоко подниматься душою и низко падать. Тогда, сказал Толстой, все промежуточные ступени известны и художник может жить в воображении жизнью людей, стоящих на разных ступенях.

С. 87. Лиза видит его маму под портретом Толстого.

С. 256. — В наборе. Сейчас принесут гранки. Вся Россия пишет только о Толстом. Хотите вот пока почитать, это все пойдёт в завтрашнем номере.

С. 256. Пастухов вдруг с загоревшимся любопытством стал пожирать одну за другой телеграммы, сообщавшие подробности бегства Толстого из дому, поиски следов беглеца по железным дорогам, на станциях, по монастырям, — пересказы со слов очевидцев и родных, домыслы, слухи, толки. Он читал, и ему хотелось знать все больше, все пространнее, как будто проникновение в далёкую, загадочную, трепетавшую судьбу могло утолить какую-то раскалённую потребность. Он читал, и непонимание события возрастало в нём все мучительнее.

Он вытер мокрый холодный лоб.

С. 260. Земной шар сместил своё тяготение. Земля тянулась к маленькой станции, название которой в один день сделалось вторым именем Толстого. Никто не должен был знать, куда скрылся гонимый высоким желанием старик, и весь мир узнал, где он. Никто не должен был знать намерений его души, и весь мир был посвящён в его тайный замысел. Никому не должно было быть дела до его самочувствия, и весь мир начал заниматься его температурой, хрипами в груди, пищеварением, пульсом. Все понимали, что наступил момент, когда надо посторониться и помолчать, а все теснились, лезли, устраивали давку и болтали, болтали, болтали. Ни у кого не было сил сдержаться, все выбежали на гигантский, открытый четырёх ветрам базар мира.

С. 271. Они ладно выпили, и головы, будто дождавшись с этой рюмкой всеразрубающего удара, освободили их от пут и связей, и они побрели наугад по какому-то увлекательному городу без плана, где улицы переплетались, как нитки распущенного котёнком клубка. Здесь все столкнулось и перемешалось — слезы, хула и радость, Французская революция и подписка о невыезде, Столыпин, высказавшийся за снятие с Толстого отлучения,

святейший синод, решивший этого не допускать, безошибочность крестьянского глаза, когда он смотрит за всходами, права гражданина и человека, хрустальная пробка Мефодия, стихи Александра Блока, Кирилл в тюрьме, рассветное небо за окном, селёдочный хвост в стакане, поцелуи, ругань, пустые бутылки, непотворение злу, — пока все вместе не превратилось в кашу-размазню и не потянуло ко сну.